

Сюмпэй
Окамото

**ЯПОНСКАЯ
ОЛИГАРХИЯ**
В РУССКО-ЯПОНСКОЙ
ВОЙНЕ

Сюмпэй Окамото

**Японская олигархия в
Русско-японской войне**

«Центрполиграф»

Окамото С.

Японская олигархия в Русско-японской войне / С. Окамото —
«Центрполиграф»,

В книге Сюмпэя Окамото, профессора истории, крупного специалиста в области политологии Восточной Азии, на основании многочисленных источников исследуется роль японских олигархов во внешней политике страны в триумфальный для японского народа период после победы над Российской империей. Автор анализирует последствия западного влияния на правящую элиту, механизмы возникновения массовых беспорядков, а также раскрывает слабые и сильные стороны олигархического правления.

Содержание

Предисловие	6
Вступление	8
Часть первая	13
Глава 1	13
ПРЕРОГАТИВЫ ИМПЕРАТОРА	13
ГЭНРО	15
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МИНИСТРЫ	19
КАБИНЕТ МИНИСТРОВ И ПАРЛАМЕНТ	20
ПЕРВЫЙ КАБИНЕТ КАЦУРЫ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Окамото Сюмпэй

Японская олигархия в Русско-японской войне

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Предисловие

В Америке, с тех пор как я – более десяти лет назад – спустился с борта японского судна, перевозившего железную руду, на малоизвестный причал на берегу реки Колумбия в Орегоне, мне сопутствовало везение. Но наибольшей удачей для меня оказалось знакомство с моим консультантом Джеймсом Уильямом Морли, профессором управления и председателем Комитета изучения Японии в Институте Восточной Азии Колумбийского университета. За время моей жизни в Колумбии профессор Морли давал мне указания и оказывал содействие, а также направлял меня, высказывая конструктивные критические замечания.

За помощь в разные периоды написания книги я многим обязан другим ученым кампуса Морнингсайд-Хайтс. Я хочу выразить глубокую признательность профессору Хершелу Ф. Веббу за характерные для него осторожные, добрые и всегда уместные советы. Он спас меня от многочисленных ловушек, в которые исследователь японских источников мог так легко попасть. Я также хотел бы поблагодарить доктора Джона М. Х. Линдбека, директора Института Восточной Азии, за его личное содействие; доктора Дороти Борг за указания, которые она невольно давала мне, задавая вопросы, которые мог задать только опытный и истинно заинтересованный исследователь; доктора Хью Бортона за то, что он прочитал рукопись; и профессоров Александра Даллина, Генри Ф. Граффа и Уорнера Р. Шиллинга за их замечания по поводу первоначального варианта рукописи.

Много людей любезно и умело помогли мне в поиске материалов. Я особенно благодарен мисс Миве Каи, которая всегда отвечала с улыбкой на мой частый, но иногда нерешительный стук в дверь ее офиса, и доктору Филиппу Ямпольски – оба они из библиотеки Восточной Азии Колумбийского университета; мистери Андрею Куроде и мистери Кей К. Кобаяси из Библиотеки конгресса; мистери Аоки Тосиюки из библиотеки Гарвардского университета. Моему *гаккэй*, Икеи Масару, преподавателю дипломатии Дальнего Востока в Университете Кэе, который любезно разыскал несколько важных документов в библиотеках и букинистических магазинах в Токио. Члены моей семьи в Токио копировали некоторые важные документы из коллекции Кэнсэй Сиреситсу и библиотеки Национального парламента.

Я благодарен мисс Кинсии Соллер, миссис Анне Шер, миссис Томако Ёритике и миссис Деборе С. Хоу за помощь в исследовании, редактировании и печати. Я особенно благодарен миссис Сэнди Стейнхардт, которая с профессиональным лингвистическим энтузиазмом и аккуратностью провела так много своего ценного времени над моей рукописью. Я также благодарен мисс Дайл К. Андерсон за ее неоценимую помощь при редактировании. Глубоко благодарен я и миссис Мери Шох, исполнительному помощнику Института Восточной Азии, и персоналу Колумбия юниверсити пресс за их терпение к неопытному автору.

Я также хотел бы выразить мою искреннюю благодарность Ассоциации американских университетских женщин за оплату проезда на том самом грузовом судне; Колледжу Андерсон, Индиана, где я провел свой первый год в этой стране; Японскому обществу Нью-Йорка за своевременную и ценную стипендию; Колумбийскому университету, в особенности проекту связей с Японией и Комитету изучения современной Японии Института Восточной Азии, за существенную финансовую помощь.

Излишне было бы упоминать о том, что только я один ответствен за все недостатки этой книги. Но я хотел бы разделить с этими людьми и учреждениями тот успех, который эта книга может иметь.

В заключение хочу сказать, что мои сыновья, Карл и Юджин, наблюдавшие за нескорым продвижением работы своего отца с ненамного меньшим интересом, чем они смотрят свои любимые телевизионные передачи, помогли мне так, как только два растущих здоровых сына

могут помочь своему отцу. Я даже не буду пытаться поблагодарить свою жену за ее отношение ко мне все эти годы. Я просто посвящаю эту книгу ей – с любовью и уважением.

Сюмпэй Окамото

Филадельфия

Апрель 1970 г.

Вступление

Эта работа – попытка рассмотреть особенно удачный пример внешней политики, проведенной олигархической системой. В сферу нашего исследования включено формирование и проведение внешней политики Японии в течение Русско-японской войны. Были рассмотрены и те факторы, которые принесли удачу в войне, и их ограничения.

Исследование проведено как попытка ответить на два вопроса. Первый: в чем сила и слабость олигархического контроля внешней политики? Второй: какое влияние оказали эта сила и слабость на управление довоенной внешней политикой Японии?

Важным достижением последних исследований внешней политики является растущее внимание к взаимному влиянию внутренней и внешней политики; растет число исследований, публикуемых на эту тему, как теоретических, так и эмпирических. Пусть они и страдают полной неопределенностью и до создания общей теории еще очень далеко, и тем не менее в них представлены изоцированные подходы и гипотезы, касающиеся взаимоотношений внутренней и внешней политики.

Этот крайне медленный, но важный прогресс уже пролил свет на многовековой спор о сравнении возможностей демократической и недемократической систем в сфере проведения внешней политики. Абстрактность, традиционная черта спора, была постепенно вытеснена более конкретными, эмпирическими исследованиями. В результате пессимистическое отношение к возможностям демократического проведения внешней политики, которое было выражено Алексисом де Токвилем и разделено многими другими, меняется¹.

С одной стороны, было исправлено ошибочное мнение о том, что выработка политики при демократии децентрализована, а следовательно, неэффективна. Рост наших знаний о так называемом общественном мнении при проведении внешней политики показал, что проведение внешней политики при демократии гораздо больше зависит от элиты, чем предполагалось. Также замечено, что особенно сильно эта тенденция выражается в кризисных ситуациях. С другой стороны, появились подозрения относительно преимуществ централизованного принятия решений в авторитарной системе. Растущее число исследований утверждает, что внешняя политика в тоталитарной и авторитарной системе, находясь под меньшим влиянием общественного мнения, подвергается влиянию внутренней политики так же, если не сильнее, чем при демократическом режиме.

Так, Р. Барри Фаррел завершает свое сравнительное исследование возможностей конституционной демократии и тоталитаризма в проведении внешней политики таким образом: «И закрытые и открытые общества имеют преимущества и недостатки... Недостатки не кажутся свойственными строго той или иной стороне». Карл Дж. Фридрих придерживается сходной точки зрения. Он также считает, что «нерешенной остается проблема, как устроить процесс принятия внешнеполитических решений в стране, которая организована демократически, так, чтобы обеспечить эффективное управление ее внешней политикой». Однако он же утверждает:

«Тоталитарные правительства, хотя в чем-то свободнее от общественного мнения и его перемен, демонстративно подчинены влиянию противоречий в партии. Следовательно, и при демократическом, и при тоталитарном режиме люди могут принудить к плохой политике, помешать принятию хорошей политики, они могут позволить частным интересам стать выше

¹ По замечанию де Токвиля, «международная политика вряд ли требует тех качеств, которые считаются свойственными демократии; напротив, она требует правильного использования почти всех тех качеств, которых демократии не хватает. ... Лишь с большим трудом демократия может вырабатывать подробности важных решений, четко придерживаться жесткого плана действий и проводить его в жизнь, несмотря на серьезные препятствия. Она не может держать свои действия в тайне или терпеливо ждать их результатов».

интересов национальной политики и даже простить правительству проведение политики, недопустимой с точки зрения международной общественности».

Некоторые из подразумеваемых положений спора о преимуществах и недостатках олигархической внешней политики можно резюмировать следующим образом.

Во-первых, внешняя политика является в конечном итоге работой политических лидеров; ее успех или провал зависит от качества руководства и условий его работы.

Во-вторых, основные взаимозависимые атрибуты компетентного руководства в проведении внешней политики должны включать в себя:

а) возможность установления благих для нации целей внешней политики. Руководство должно поддерживать гармонию целей и методов с имеющимися у нации возможностями проведения политики с максимальной вероятностью успеха. Для того чтобы достичь этого, руководство должно обладать чувством реальности и воображением, гибкостью, твердостью, силой и сдержанностью. Оно должно также быть достаточно сплоченным, не исключая при этом возможности обсуждения широкого спектра политических альтернатив среди самих лидеров. Руководству следует иметь доступ к достоверной информации о состоянии внутренних и внешних дел в государстве;

б) способность управлять общественным мнением, а не следовать за ним. Для этого требуется четко сознавать, что «конфликт между требованиями хорошей внешней политики и предпочтениями общественного мнения в порядке вещей и поэтому является неизбежным». Следовательно, руководство должно быть достаточно твердым, чтобы придерживаться своих представлений о хорошей внешней политике и сопротивляться требованиям общественности. В то же время оно должно избегать нежелательного усиления конфликта с общественностью. Власть не должна допускать отчуждения от общественности или доведения ее до прямого сопротивления;

в) способность добиваться общественной поддержки своей политики и сохранять эту поддержку. Руководство должно стремиться культивировать благожелательное общественное мнение по отношению к политике, которую оно хочет проводить. Оно не должно допускать, чтобы оппозиция или демагоги вводили народ в заблуждение.

В-третьих, для эффективного проведения внешней политики требуется: а) способность создавать вышеописанный тип руководства и б) часто упоминаемая способность создавать такие внутренние условия, при которых помехи в работе компетентного руководства были бы минимальны.

Этот список качеств не замышлялся ни как исчерпывающий, ни как идеальный. Скорее, целью его составления было представить полезный критерий, с помощью которого можно было оценить олигархический механизм проведения внешней политики.

Наверное, полезно было бы изложить здесь в основном, почему мы выбрали в качестве примера внешнюю политику Японии в период Русско-японской войны. Хотя все задействованные в войне японские лидеры – и гражданские и военные – скромно и усердно считают свой успех в войне обязанным величественной славе императора Мэйдзи и великодушному правлению и защите духов его божественных предков, ученые приводят в качестве главной причины победы удачную координацию между японскими гражданскими и военными лидерами в ходе их политической деятельности. Мы не оспариваем данную точку зрения, однако прежде всего необходимо задать несколько вопросов. Например, насколько хороша была в действительности эта координация? Каковы основные факторы, которые сделали такую координацию возможной? Были ли эти факторы специфичны для Японии периода Русско-японской войны? Каковы были их ограничения? Какова была цена этой хорошей координации?

Надеемся, что при поиске ответов на эти вопросы мы обнаружим какие-то ключевые знания о возможностях олигархического проведения внешней политики как таковой. Участие в

споре о сравнительных возможностях различных способов проведения внешней политики не является (разве что косвенным образом) целью данного исследования. И хотя, руководствуясь одним примером, прийти к общей теории проведения внешней политики при олигархии невозможно, мы надеемся, что наше исследование будет первым шагом в этом направлении и приведет к развитию изучения взаимодействия процессов внутренней и внешней политики.

Второй причиной, по которой мы задумали это исследование, является вопрос политического развития. В своем эпилоге к «Политическому развитию в современной Японии» Роберт Е. Уорд представляет четырнадцать общих положений процесса политической модернизации, которые предлагает нам опыт Японии². В их числе – следующие:

1. Широко распространенный страх иностранной интервенции или эксплуатации может послужить сильным стимулом к политической модернизации.

2. Силы и институты, которые служат опорой процессу политической модернизации при одном ряде обстоятельств, способны иметь обратный эффект в другой ситуации.

3. Если качество руководства постоянно, авторитарные и олигархические формы правления могут превосходить демократические формы на ранних этапах политического развития.

4. Несмотря на изначальное существование авторитарной политической системы, процессу модернизации могут быть свойственны значимые либеральные тенденции.

5. История демократизации Японии подчеркивает важность постепенной и глубокой подготовки для достижения жизнеспособной демократической политической системы.

Прочитав эти пять избранных положений, мы можем увидеть некоторые основные причины затруднительного положения в современном политическом развитии Японии. Возьмем на себя смелость поменять эти положения местами. Для того чтобы прояснить нашу точку зрения, представим одну из многих возможных перестановок.

В Японии страх иностранной интервенции стимулировал быструю политическую модернизацию (положение 1). Это необходимое условие для быстрой модернизации привело к созданию, по существу, олигархической формы правления, и опыт Японии, кажется, подтверждает аккуратно определенное положение 3. Курс современной истории Японии показывает, что олигархическая форма правления в конце концов не может полностью предотвратить либеральные тенденции (положение 4). И если мы согласимся с положением 5 о важности «постепенной и глубокой подготовки для достижения жизнеспособной демократической политической системы», как можно избежать такого огромного камня преткновения, как положение 2?

Это противоречие еще более увеличивается, если рассмотреть его в контексте внешней политики, которая, как указано выше, требует высокого качества руководства и более скептического взгляда на возможности демократии. Например, как мы обеспечим постоянное качество руководства в течение переходного периода? Как может жизнеспособная демократия (с точки зрения проведения желательного курса внешней политики она должна быть по крайней мере так же жизнеспособна, как и олигархическая система с хорошим руководством) возникнуть из изначальной олигархической системы? Если постепенная либерализация и демократизация неизбежна, то не получится ли так, что в итоге олигархическое государство вместо появления жизнеспособной демократии получит руководство «низкого качества», возглавляющее правительство, которое находится где-то посередине между изначальной олигархической системой правления и жизнеспособной демократией, не имея достоинств ни той ни другой? Не та ли это затруднительная ситуация, в которой оказалась современная Япония, особенно в области внешней политики?

² Справедливости ради по отношению к профессору Уорду следует добавить его утверждение: «Это все лишь очень простые и крайне обобщенные положения. К тому же, будучи основанными только на японском опыте, они также и весьма предпологаемы». Он явно не ожидал, что с его положениями будут обращаться так, как это делаем мы.

Мы надеемся, что настоящее исследование предоставит эмпирический пример, который проверит обоснованность положений Уорда и приведет нас к лучшему пониманию проблемы, с которой столкнулась современная Япония, особенно в сфере внешней политики.

Русско-японская война приходится на середину современного этапа развития Японии, и этот период в вопросе и внешней и внутренней политики был одним из наиболее значимых для страны. Внутри Японии это был период развития, отмеченный постепенным изменением и угасанием политики гэнро, подъема второго поколения политической элиты, дальнейшего развития партийной политики и появления более разносторонних интересов в японском обществе как неизбежного следствия модернизации. Также все эти события рассматриваются в качестве непосредственной прелюдии к появлению масс на политической сцене. С точки зрения внешней политики в этот период островная нация, которая всего полвека как столкнулась с превратностями мира вокруг нее, достигнув равенства с Западом и пустившись в амбициозные колониальные предприятия, заявила о себе как о мировой державе. По мере этих достижений отношения Японии с другими странами конечно же изменились. Япония включилась в ожесточенную борьбу между лидирующими мировыми государствами за превосходство на Азиатском континенте и в Тихом океане. Страна, на которую азиатские националисты смотрели как на источник вдохновения в их борьбе с Западом, стала вместо этого новой угрозой для соседних государств. Традиционно дружеские отношения между Японией и Соединенными Штатами резко изменились, началось соревнование держав между собой, которое продлилось долгие годы.

Исследование олигархической внешней политики, которую проводила Япония в этот исторический период, особенно значимо, так как оно поможет понять нарастающую проблему политического развития и внешней политики Японии последних лет и в то же время приведет нас к более уравновешенной точке зрения на достижения быстрой модернизации в Японии.

Ученые, как было замечено выше, ссылались на эффективную координацию между гражданским и военным сектором в политическом процессе Японии как на одну из главных причин успеха Японии в войне против России, а также на соперничество между этими двумя секторами как на главную причину проблем в последующий период. Но когда и как координация превратилась в соперничество? Какие факторы во время Русско-японской войны предотвратили появление соперничества как главной проблемы? Каким образом процесс разработки политического курса во время Русско-японской войны заложил почву для этого соперничества? Это исследование, возможно, позволит лучше понять последующий период гражданско-военного соперничества в истории Японии.

Данное исследование состоит из пяти частей. В первой части обсуждается конституционная структура и составляющие проведения олигархической внешней политики в Японии во время Русско-японской войны, потом исследуется отношение Японии к внешним сношениям во время периода Мэйдзи, чтобы раскрыть их общие тенденции и природу противоречий между отношениями олигархии, с одной стороны, и политических деятелей – с другой. Во второй части прослеживается, как и почему олигархи решили начать войну и как политические деятели работали на войну. Это определит роль политических деятелей и их влияние на решение олигархов о начале войны. В третьей части исследуется, как олигархи приготовились к заключению мира, как политические деятели оценивали ход войны. Портсмутская конференция описана главным образом для того, чтобы увидеть, как обнаружилась разница во взглядах олигархов и политических деятелей.

Четвертая часть описывает внутренние последствия заключения мира. Как было мобилизовано общество для движения против переговоров? Как развивался мятеж в Хибии против мирных переговоров? Эта часть исследования особенно интересна по нескольким причинам.

Во-первых, изучение доступной литературы по взаимоотношению внутреннего политического процесса и внешней политики показывает, что большинство этих исследований не

касается вопросов влияния внешней политики на внутренние политические процессы. Картина будет неполной, пока мы не рассмотрим внутренние последствия исследуемых нами событий, ведь мы рассматриваем государство как действующий организм. Внутреннюю реакцию на предшествующую политику ощущает и народ, и те, кто принимал решения, – таким образом создаются внутренние условия для формирования последующего политического курса, который, в свою очередь, повлияет на принятие решений. Такая реакция часто представляет собой отсроченную расплату за кажущуюся гладкой деятельностью системы по проведению политики. Важность этого аспекта исследования становится очевидна, если рассмотреть пример из недемократической системы.

Во-вторых, внутренняя реакция на Портсмутское соглашение привела к масштабному бунту в Токио в день его подписания. Это была первая городская демонстрация, которая сопровождалась насилием. Причиной ее стало общественное недовольство международным договором, заключенным правительством Японии. Второй подобный случай произошел в мае и июне 1960-го из-за пересмотра договора о безопасности между Соединенными Штатами и Японией. Оба эпизода представляют собой полезный материал для исследования природы развития политического процесса в Японии на двух разных отрезках времени и при двух разных политических системах (один – при недемократической системе, а другой при действующей демократии), в частности исследования влияния внутренней политики на выработку тактики ведения в обеих системах политики внешней. Они вызывают много вопросов: например, что привело к беспорядкам и почему протестующие перешли к непарламентским методам борьбы? При полном анализе и сравнении эти два инцидента могли бы пролить свет как на постоянные, так и на меняющиеся черты политического процесса в Японии, предоставить ценный материал для исследования насилия в политике как такового. «Кризис договора о безопасности» 1960 года был предметом нескольких сравнительных исследований и на английском, и на японском языке. Более ранний же случай все еще ждет подробного исследования. Его рассматривали лишь несколько статей и политических исследований, все на японском языке. По этим причинам «бунт против договора» в сентябре 1905-го анализируется здесь не только в качестве примера исследования возможностей олигархической внешней политики, но и как независимый предмет исследования политического процесса в современной Японии. Для прояснения причины и природы восстания мы сопоставляем наши выводы с некоторыми широко распространенными взглядами на это конкретное выступление и с идеями, высказанными в некоторых основных исследованиях восстаний.

В пятой части резюмируются характеристики олигархической внешней политики на основе всего исследования и делаются некоторые выводы о силе и слабости этой системы – слабости, которая привела к многим внешнеполитическим проблемам в довоенной Японии.

Часть первая

СТРУКТУРА И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Глава 1

ОЛИГАРХИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОВЕДЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ

11 февраля 1889 года, в 2549-ю годовщину с легендарного дня основания Японского государства, император Мэйдзи провозгласил конституцию в знак имперского благоволения к своим подданным. Эта конституция, написанная и принятая его доверенными советниками в обстановке строгой секретности, стала кульминацией двух десятилетий политической консолидации и экспериментов, последовавших за реставрацией Мэйдзи. Вплоть до 1945 года она определяла основу политического устройства Японской империи. С точки зрения ее авторов, конституция была инструментом, с помощью которого они намеревались упорядочить и укрепить устройство и функционирование политической власти. В ней содержались ограниченные уступки принципам современного конституционализма, заключавшиеся в учреждении Национального парламента и гарантиях «в рамках закона» прав подданных. Однако в конституции Мэйдзи содержалась одна поразительная вещь, а именно: согласно конституции, ведение и контроль большей части государственных дел находились исключительно в руках императора. Одной из наиболее важных императорских прерогатив было ведение внешней политики. Так, по конституции, именно императору надлежало устанавливать и вести внешнюю политику страны – при помощи своих советников, но безо всяких консультаций с парламентом. В сфере внутренней политики ограниченное, но значительное участие народа было гарантировано введением парламента. Однако во внешней политике прямое участие народа никак не предусматривалось. Таким образом, конституция Мэйдзи создала основу для двойственности политического процесса в Японии. В этой главе будут описаны олигархическое устройство и составляющие японской внешней политики в период Русско-японской войны (1904 – 1905).

ПРЕРОГАТИВЫ ИМПЕРАТОРА

Конституция Мэйдзи оговаривает в качестве особого условия, что правящий император представляет собой наивысшую власть в государстве, он является единым олицетворением всех ветвей власти: исполнительной, законодательной и судебной. Вводная часть конституции гласит: «Право высшей власти в государстве Мы приняли в наследство от наших Предков и передадим нашим наследникам». В статье 1 сказано: «Японская империя будет вечно управляться непрерывной императорской династией».

По конституции, право объявлять войны и заключать мир принадлежит исключительно императору. Статья 13 гласит: «Император объявляет войну, заключает мир и международные договоры». Ито Хиробуми, один из авторов конституции, прокомментировал этот пункт так:

«Объявление войны, заключение мира и договоров с иностранными государствами являются исключительными правами монарха, относительно которых не требуется никакого согласия парламента».

Затем он приводит две основные причины этих условий:

«Во-первых, желательно, чтобы монарх выражал единство высшей власти, представляя государство в международных отношениях, а во-вторых, в вопросах войны и мира быстрота

составления планов в соответствии с природой кризиса есть вопрос первостепенной важности».

В завершение своего комментария к основной статье о контроле над внешней политикой Японии он повторяет еще раз:

«Основная суть данной статьи – установление того, что император располагает всеми вопросами международного характера, прислушиваясь к советам своих министров, но не допуская вмешательства парламента».

Ученые, как либералы, так и консерваторы, единодушно согласились с неограниченным характером императорской прерогативы заключать мир и объявлять войну. Хозуми Яцука, профессор конституционного права в Императорском университете в Токио, принадлежит к числу консервативных толкователей основного закона, он утверждает: «Заключение договоров закреплено за личными утверждениями и самовластными действиями императора». Минобэ Тацукити из того же самого университета, считающийся наиболее либеральным толкователем конституции, соглашается: «Власть объявлять войну, заключать мир и международные договоры безусловно принадлежит императору, это провозглашено в 13-й статье».

На самом же деле «личное правление императора» было скорее фиктивным. Императору приходилось действовать в соответствии с рекомендациями своих конституционных и дополнительных советников, и, более того, он редко принимал единоличные политические решения. Император Мэйдзи, которого на военном и политическом поле считают самым деятельным из трех императоров современной Японии, не является исключением.

Иными словами, роль императора заключалась не столько в том, чтобы принимать собственные решения по политическим вопросам, сколько в том, чтобы своим престижем и ритуализованными действиями легитимизировать те политические решения, которые от его имени принимали советники. Именно эта сложная система советников, которая изначально задумывалась как управляемая лично императором, и превратила до наивного простое положение конституции в поле борьбы различных политических сил.

Во время Русско-японской войны система советников императора состояла из следующих органов (в порядке убывания значимости): гэнро (старейшие государственные мужи), государственные министры, военное руководство и Тайный совет.

Император Мэйдзи, родившийся в 1852 году, вззошел на императорский трон в бурном 1867 году, сменив своего отца, императора Комеи. Реформаторы-олигархи Мэйдзи вскоре сделали его символом единства и независимости нации. Однако его роль в этой новой Японии не принадлежала лишь духовной сфере. Как описывает это Гершель Уэбб, «император Мэйдзи не только находился рядом с правительством; он являлся членом правительства». На самом деле император был главой правительства, верховным главнокомандующим армией и флотом, и, что более важно, в реальности он санкционировал политическую власть олигархов-реформаторов, которые отчаянно пытались построить новую Японию. Фигура императора Мэйдзи выросла в глазах народа за эти бурные годы, поскольку политическая консолидация производилась его именем, по мере того как возрастала национальная мощь его империи, преодолевая как внутренние, так и внешние препятствия. Теперь же, в 1904 году, император Мэйдзи достиг максимума личного престижа и народного поклонения. Как гласит официальная биография императора, во время Русско-японской войны он неутомимо работал, днем и ночью изучая военные доклады.

ГЭНРО

Звучит парадоксально, но показательно для политического процесса в Японии: эту неформальную, внеконституционную и незаконную группу старейшин можно определить как самую влиятельную среди всех советников императора.

Основных функций у этой неформальной совещательной группы было две. Во-первых, будучи высшим совещательным органом при императоре ввиду своего политического опыта и достижений в прошлом, совет гэнро должен был консультировать императора по критическим вопросам как внутренней, так и внешней политики, например выбор премьер-министра или решения по поводу войны и мира. Во-вторых, гэнро, с их престижем и властью, должны были помогать императору объединить и скоординировать различные части императорской системы принятия решений. Эта функция гэнро оказывалась жизненно важной, когда авторитет самого императора был недостаточен для достижения единства и согласованной деятельности между различными государственными органами, так как в конституции не было предусмотрено специального механизма, с помощью которого император мог бы сам выполнить эту задачу.

Высказывались различные мнения о требованиях к членству в совете гэнро. Сложно даже точно сказать, когда возник этот неформальный совещательный орган, но, как указывает Роджер Ф. Хакетт, важно заметить, «что это общество оформилось тогда, когда завершилось создание нового [конституционного] политического устройства». Иными словами, установление конституционального государственного управления не угрожало этому неформальному органу. Скорее, конституция обязана своим появлением существованию этой властной группы политических лидеров. Можно даже пойти еще дальше и заявить, что авторы конституции сознательно или бессознательно вписали в нее гэнро невидимыми чернилами, оставив необходимость в существовании органа, который обеспечивал бы единство и согласованную деятельность конкурирующих элементов государственного устройства в рамках «непреложного основного закона».

Кто были гэнро в 1904 году? Какими они были? Давайте взглянем на их биографии.

Маркиз Ито Хиробуми родился в 1841 году в бедной крестьянской семье в Тесю. Позже вместе со своими родителями он был принят в семью самурая низшего ранга (*кэйсоцу*), по имени Ито. Учился у лоялиста Ёсиды Соина и изучил некоторые из западных военных техник у датчан в Нагасаки. Присоединился к движению лоялистов под руководством Кидо Такаеси и Такасуги Синсаку, участвовал в нападении на британскую дипломатическую миссию в 1862 году и был представлен к высшему самурайскому рангу (*сибун*) за свою лоялистскую деятельность. В 1863 году, проходя обучение в Лондоне вместе с Иноуэ Каору, он убедился в неразумности политики «изгнания варваров» (*дзэи*). Уже в 1864 году он тщетно пытался отговорить лидеров клана Тесю от сражения с силами четырех западных стран. В 1868 году он присоединился к новому правительству Мэйдзи и после этого занимал множество постов в сферах международных отношений, финансов и промышленности. В 1870 году он изучал банковскую и финансовую политику в Америке, а на следующий год присоединился к миссии Ивакуры, путешествуя по Америке и Европе. В «Дебатах по Корее» 1873 года он выступал на стороне Окубо Тосимити.

После убийства Окубо в 1878 году Ито стал одним из наиболее важных членов правительства, и, когда Окума Сигэнобу из Хидзена был изгнан из правительства в 1881 году, занял самое влиятельное положение в режиме Мэйдзи. В 1882 году он путешествовал по разным европейским странам, изучая их конституционные системы. В 1885 году он заключил Тяньцзинский договор с Ли Хун Чаном по поводу Кореи и в том же году стал первым премьер-министром правительства той системы, которую сам создал. В то же время он принимал участие в написании конституции империи и, будучи президентом Тайного совета, в 1888 году пред-

седательствовал на окончательных обсуждениях составляемой конституции. В 1892 году он предпринял первые безуспешные попытки создания политической партии, но вместо этого сформировал второй кабинет Ито, под руководством которого находилась Япония во время китайско-японской войны. Во время войны он посещал собрания императорского штаба для того, чтобы обеспечить согласованные действия военных и внешнеполитического ведомства. Ито представлял Японию на мирной конференции в Симоносэки в 1895 году. В 1898 году он сформировал третий кабинет Ито и во второй раз попытался создать политическую партию. Когда ему это не удалось, он порекомендовал учредить «партийный кабинет» под руководством Окума Сигэнобу и Итагаки Тайсукэ. В 1900 году он создал политическую партию, Риккэн Сэйюкай («Ассоциация друзей конституционного правительства»), и в сентябре сформировал червертый кабинет Ито. В 1901 году, во время правления первого кабинета Кацуры, Ито путешествовал по Америке и Европе. Его попытки достичь договоренности с Россией провалились, когда правительство Кацуры заключило первый англо-японский союз в начале 1902 года. В июле 1903-го, по приказу императора, Ито вновь принял президентство в Тайном совете и оставил Сэйюкай. Он отказался от своей идеи о превосходящем кабинете и пошел на компромисс с партийными политиками. Ито, которого обычно оценивают как пророссийского политика, считался «наиболее доверенным советником императора».

Фельдмаршал маркиз Ямагата Аритомо, также человек из Тесю, родился в 1838 году в семье самурая низшего ранга. Он учился у Ёсиды Соина и участвовал в движении лоялистов. В 1863 году он стал командиром Тесю Кихэйтай – нерегулярных вооруженных формирований, состоящих из самураев и простолюдинов. В 1864 году был ранен во время бомбардировки прибрежных укреплений Тесю. Во время антитокугавской кампании командовал силами лоялистов, защищавших войска клана Айзу в Северной Японии. Занимал различные ответственные военные должности в новом правительстве Мэйдзи и в 1869 году уехал на полтора года в Европу учиться. В 1872 году принял командование Императорской гвардией (*коноээхэй*) и подготовил закон о воинской повинности, изданный в январе 1873 года. В июне 1873-го был назначен военным министром и командовал правительственными войсками во время восстания Сацумы в 1877 году. В декабре 1878-го принял немецкую штабную систему, установив принцип, что глава штаба находится под непосредственным командованием императора, имеет право прямого доступа к императору и совершенно независим от военного министра и гражданского правительства. В том же году он издал «Гундзин Кункай» («Указание для военных»), в котором подчеркивались традиционные ценности верности, храбрости и повиновения. В 1882 году император, по просьбе Ямагаты, издал «Гундзин Чокою» («Императорское предписание солдатам и морякам»), где особо подчеркивалось «верховное командование» императора над армией и флотом.

В 1883 году Ямагата стал министром внутренних дел в первом кабинете Ито. С 1885 года он начал реорганизовывать полицию и систему местного самоуправления. В 1887 году Ямагата способствовал изданию закона о поддержании порядка. В октябре 1888-го путешествовал по Европе и Америке, изучая системы местного самоуправления. Первый кабинет Ямагаты был сформирован в декабре 1890-го, когда он был выдвинут на пост генерала армии. Кроме того, Ямагата обеспечил написание и издание в 1890 году «Императорского предписания по образованию». В 1892 году он присоединился ко второму кабинету Ито в качестве министра юстиции, но уже в марте 1893 года был назначен президентом Тайного совета.

Во время Китайско-японской войны Ямагата принял командование 1-й армией и в марте 1895 года вновь стал военным министром. Представлял Японию на коронации российского императора в 1896 году и в июне заключил договоренность с российским министром иностранных дел Лобановым, по которой обе конкурирующие державы получали равные права и привилегии в Корее. В 1898 году ему было пожаловано звание фельдмаршала, и он стал членом Гэнсёйфу (коллегии фельдмаршалов и адмиралов флота). В ноябре 1898 года Ямагата

сформировал второй свой правительственный кабинет. В 1900 году Ямагата расширил полномочия Тайного совета, издал полицейские законы о поддержании порядка (*чиан кейсацу хо*) для подавления рабочих и крестьянских движений и добился того, чтобы на посты военных и военно-морских министров назначали только действующих офицеров двух наивысших рангов. Весь 1901 год и начало 1902-го помогал премьер-министру Кацуре Таро создавать англо-японский союз. В июле 1903-го стал членом Тайного совета. Годом позже сменил Ояму Ивао, ставшего командиром военных сил в Маньчжурии, на посту главы штаба армии, и пребывал на нем в течение всей Русско-японской войны. Его считают основателем современной японской армии. Ямагата обладал огромной личной властью как в армии, так и в министерстве внутренних дел. Он слепо верил в принципы императорской власти и в чиновничью иерархию и очень неохотно делал какие-либо уступки партийным политикам.

Граф Мацуката Масаеси родился в 1835 году в семье самурая низшего ранга из Сацума. Он участвовал в кампаниях против Токугавы и в 1868 году вошел в новое правительство, в котором занимал различные должности как в министерстве внутренних дел, так и в финансовых делах. В 1878 году побывал в нескольких европейских странах. В 1880-м был назначен министром внутренних дел, в 1881-м стал министром финансов и оставался на этой должности до 1892 года. Ему удалось восстановить и упрочить финансовое положение режима; в 1882 году он основал Банк Японии. Первый кабинет Мацукаты был сформирован в 1891 году. В 1896-м он снова стал премьер-министром и провел денежную реформу вслед за завершением Китайско-японской войны. В 1898 году во второй раз стал министром финансов, теперь уже во втором кабинете Ямагаты. В июле 1903-го был принят в Тайный совет. Мацукату считали финансовым гением; во время Русско-японской войны он помогал министру финансов решать проблемы с бюджетом, вызванные войной.

Граф Иноуэ Каору тоже был из Тесю, родился он в 1836 году в семье самурая. Как и Ито, он присоединился к движению лоялистов и в 1862 году участвовал в нападении на британское представительство. В 1863 году уехал в Лондон на учебу вместе с Ито Хиробуми и другими; там пришел к убеждению, что политика «*дзэи*» бессмысленна. В 1864 году вместе с Ито тщетно пытались отговорить клан Тесю сражаться с силами четырех западных держав. После этого он пытался уговорить этот клан сконцентрироваться на антитокугавской политике и за свои взгляды подвергся нападению наемного убийцы. Несколько дней он находился между жизнью и смертью и, выжив, активно участвовал в кампании против Токугавы.

В 1868 году он вошел в новое правительство, где занимал много должностей в сфере финансов и международных отношений. На время покинув правительство в 1873 году ради частого бизнеса, он вернулся туда в 1875-м в качестве члена *гэнроин* (сената). В 1876 году помог Куроде Киятаке заключить договор Кангуа, который «открыл» Корею. В июне того же года уехал в Европу, чтобы изучать финансовую и экономическую политику. По возвращении в Японию в июле 1878 года он был назначен министром промышленности; затем, в сентябре 1879-го, стал министром внутренних дел. В 1884-м уехал послом в Корею. Будучи министром иностранных дел в первом кабинете Ито, он пытался в 1885 году через крайне прозападную политику повлиять на пересмотр договора. В 1888 году он стал министром сельского хозяйства и коммерции в кабинете Куроды; затем, в 1892 году, – министром внутренних дел во втором кабинете Ито. Во время Китайско-японской войны находился в Корее, где проводил внутренние реформы. В 1898 году стал министром финансов в третьем кабинете Ито. В мае 1901-го, после падения четвертого кабинета Ито, получил от императора приказ сформировать кабинет, но это ему не удалось. Во время переговоров об англо-японском союзе он поддержал Ито в стремлении достичь соглашения с Россией. Вместе с Мацукатой помогал министру финансов во время Русско-японской войны. Его считали «старшиной японских деловых кругов», и он действовал в тесном согласии с Ито Хиробуми.

Фельдмаршал маркиз Ояма Ивао из клана Сацума родился в 1842 году в семье самурая. Был двоюродным братом Сайго Такамори, на которого был очень похож. Ояма принимал участие в битве с британским флотом, который обстрелял Кагосиму в 1863 году, и во время кампаний против Токугавы командовал артиллерией Сацумы. Войдя в новое правительство, был послан в Европу в 1870 году для наблюдения за Франко-прусской войной. По возвращении в Японию в марте 1871-го он был представлен сначала к званию полковника, а затем – генерал-майора. В 1876 году недолго был командиром гарнизона Кумамото, затем сражался в Кюсю как командир бригады во время восстания Сацумы в 1877 году и в 1878 году был представлен к званию генерал-лейтенанта и назначен заместителем главы штаба армии. После поездки в Европу в 1884 году, где изучал военные системы, он был назначен военным министром в первом кабинете Ито в 1885 году и оставался на этой должности в нескольких сменявшихся друг друга кабинетах. В 1891 году стал генералом армии и непродолжительное время был членом Тайного совета. В 1892 году вернулся к действительной службе и снова стал военным министром. В Китайско-японскую войну командовал 2-й армией. В 1898 году был представлен к званию фельдмаршала и вошел в Гэнсюйфу (коллегию фельдмаршалов и адмиралов). В 1899 году был назначен главой штаба армии и оставался на этом посту, пока не стал командовать Маньчжурской армией в июне 1904 года. Ивао считал себя солдатом и демонстрировал почти полное отсутствие интереса к политике.

Из этих кратких биографий можно вывести несколько общих черт: 1. Все пять гэнро принадлежали либо к клану Сацума (Мацуката и Ояма), либо Тесю (Ито, Иноуэ и Ямагата). 2. Все, кроме Ито, выходца из крестьян, имели самурайское происхождение. 3. Это были старики – их средний возраст в 1904 году был 66 лет. 4. Все они принимали участие в движении лоялистов и в кампаниях против Токугавы в последние годы сегуната. 5. Обнаружив в молодости силовое превосходство Запада – Ито и Иноуэ во время своих учебных поездок в Лондон в 1863 году, а остальные – во время обстрелов западными державами прибрежных укреплений в 1863-м и 1864 годах, они все рано поняли глупость политики *дзэи*.

6. Они все вошли в правительство Мэйдзи с самого начала и накопили большой административный и исполнительский опыт работы на разных уровнях бюрократии, в гражданских и/или военных делах.

7. Все неоднократно занимали министерские посты, а трое – Ито, Ямагата и Мацуката – были премьер-министрами (Ито – четыре раза, Ямагата и Мацуката по два раза каждый. Вместе с Куродой Кietaкой, который умер в 1900 году, они монополизировали пост премьер-министра вплоть до 1901 года, за исключением краткого периода кабинета Окумы – Итагаки в 1898 году. 8. Они все совершали много поездок за границу, получая твердое собственное знание о Западе, и набирали, в той или иной степени, личный опыт работы с западными державами.

Высокая подготовленность и внушительное влияние высшего совещательного органа императора очевидны. Однако следует особо отметить несколько других пунктов.

Во-первых, их политический опыт, достижения как в гражданских, так и в военных делах, совместная работа на высших военных должностях и в Тайном совете, множество личных последователей, служащих в правительстве, и вдобавок взаимное доверие между ними и императором весьма способствовали в деле контроля, объединения и согласования деятельности различных элементов структуры власти, заданной конституцией Мэйдзи.

Во-вторых, не следует рассматривать гэнро как монолитную группу. Были причины для возможного и действительного разлада и даже соперничества; например, конфликт между силами Сацумы и Тесю или персональные трения среди гэнро из-за разницы в личных политических воззрениях и пристрастиях, особенно между Ито и Ямагатой. Но не следует и преувеличивать эти расхождения. Как заметил Эдвин О. Рейсчауер:

«Не скрывалось расхождение во взглядах между Ямагатой, решившим охранять то, что он считал собственными военными силами и бюрократическим аппаратом императора, от кон-

троля бизнесменами с их узкими интересами и Ито, живым политиком, готовым идти на любые компромиссы для того, чтобы получить поддержку созданного им парламента. Но ни Ито, с его сильной поддержкой среди бюрократии, ни Ямагата, с его еще более сильной поддержкой среди военных, так же как и среди бюрократии, не пытались использовать свои силы против другого. Интересы, объединявшие их, были сильнее, чем интересы, их разделявшие. Оба были преданы одной и той же мечте – создать сильную и богатую Японию, и взгляды Ито на сильную армию и твердое руководство старейших лишь незначительно отличались от взглядов Ямагаты. Они оба предпринимали все усилия для того, чтобы продолжить то сотрудничество, которое началось во время их революционной молодости в Тесю, соглашаясь на все возможные уступки друг другу».

В конце концов, еще важнее, чем вопрос внутреннего единства группы, рассмотреть положение власти гэнро по отношению к другим элементам государственной власти. Здесь положение гэнро было далеко не постоянным. Точнее говоря, оно смещалось и в период Русско-японской войны находилось на спаде. Это станет яснее, когда мы приступим к обсуждению следующей категории советников императора, государственных министров кабинета Кацуры.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МИНИСТРЫ

Слова «кабинет» (*найкакү*), как и «гэнро», в конституции Мэйдзи вы не найдете. Кабинетная система была создана в 1885 году, за четыре года до провозглашения конституции. Эта мера была принята частично из-за того, что лидеры Мэйдзи не хотели, чтобы парламент вмешивался в реорганизацию исполнительного органа. После 1889 года кабинетная система продолжила существование, будучи описанной в статье 76 конституции как коллективный орган, состоящий из премьер-министра и девяти отраслевых министров. В этой части мы расскажем, во-первых, о предусмотренной законом функции кабинета в международной политике Японии, а во-вторых – о составляющих и свойствах кабинета Кацуры.

С одной стороны, конституция Мэйдзи постановила, что император неподвластен законам (статья 3: «Император священен и неприкосновенен»). С другой, статья 55, единственная, где прямо упоминаются государственные министры, утверждает: «Государственные министры дают императору советы, за которые несут полную ответственность. Все законы, императорские указы и любые императорские предписания, относящиеся к делам государственной важности, требуют подписи государственного министра». Это означает, что воля императора во внешней политике может выполняться только с одобрения государственного министра.

На самом же деле власть кабинета в советах трону была не столь широкой и не столь полной, как можно предположить, основываясь на статье 55. Можно выделить три основных фактора, ослаблявших силу кабинета.

Во-первых, как мы уже отмечали, кабинет был всего лишь одним из нескольких совещательных органов императора. Он разделял совещательную власть с гэнро, тайным советом и военными. Во-вторых, как мы увидим позже, доктрина о независимости высшего военного командования выводила вопросы военного характера из-под власти кабинета. Более того, внутри кабинета эта доктрина о независимости высшего военного командования привела к созданию «двойного кабинета». Статья 7 императорского Указа о создании кабинета (*найкакү кансей*) от 24 декабря 1889 года гласит:

«За исключением тех предметов, которые будут доверены кабинету [на обсуждение] императорским указом, вопросы касательно военных тайн (*гунки*) или военного командования (*гунрей*), о которых было должно напрямую императору, должны быть доложены премьер-министру военным и военно-морским министрами».

Эти строки не распространяли напрямую на военного и военно-морского министров «право прямого доступа к императору» (*дзюку дзосо*), которое изначально имели только главы

обоих штабов. Но оно использовалось военными в качестве обоснования сложившейся практики, по которой право прямого доступа имели министры и главы штабов обоих видов войск. Это привело к ситуации, когда военные вопросы, о которых премьер-министру докладывали министры видов войск, оставались вообще неизвестными остальным членам кабинета. Хуже того, поскольку о многих военных вопросах министры видов войск докладывали сперва лично императору, то, пока они доходили до премьер-министра, они часто превращались в свершившийся факт, изменить который премьер-министру было уже не под силу, даже в случае, если это сильно вредило положению кабинета в таких областях, как, например, планирование национальной обороны. Проблема становилась все серьезнее, поскольку точная характеристика военных вопросов, подпадающих под указ, сформулирована не была, как и в случае с «высшим военным командованием». На практике все решало соотношение политических сил в той или иной ситуации. В общем, в кабинете министры обоих видов войск играли двойную роль: они были отраслевыми министрами, как и остальные гражданские министры, но они же были членами высшего военного командования.

Эта ситуация еще более усугубилась, когда в 1900 году, при втором кабинете Ямагаты, было установлено правило, что только генералы или генерал-лейтенанты действительной службы могут быть назначены на пост военного министра и только адмиралы или вице-адмиралы – на пост военно-морского министра. Это требование не только устраняло возможность занятия должности министра вида войск гражданским лицом, но и ставило премьер-министра и его кабинет в зависимость от армии и военно-морского флота. Если армия и флот не представят офицера соответствующего звания, премьер-министр не может сформировать кабинет; и даже если кабинет сформирован, его можно развалить, отправив в отставку одного из министров видов войск.

В-третьих, несмотря на мнения и пожелания либеральных толкователей конституции Мэйдзи, принцип коллективной ответственности кабинета так и не был воплощен. Вместо этого министры кабинета несли личную ответственность перед императором, и у премьер-министра не было четкой власти, чтобы контролировать их. При этом общепризнанным был тот факт, что решения кабинета требовали единодушия; следовательно, один или несколько министров могли вызвать крах кабинета, отказавшись признавать общее решение.

КАБИНЕТ МИНИСТРОВ И ПАРЛАМЕНТ

Как мы говорили ранее, по конституции Мэйдзи парламент не имел полномочий непосредственно участвовать в заключении договоров и объявлении войны. Так как же мог парламент осуществлять контроль над государственными министрами, чьей обязанностью было давать императору советы по ведению внешней политики?

Согласно статье 10 конституции, они, несомненно, были подотчетны в первую очередь императору, который имел единоличное право как назначать их, так и отправлять в отставку³.

Мнения юристов о характере ответственности кабинета министров перед парламентом различались. Однако, какой бы эта ответственность ни была, она в любом случае была косвенной и политической, но не юридической. Ито Хиробуми отмечал:

«Право назначения и отставки государственных министров, входящее, по конституции, в сферу исключительных полномочий императора, есть лишь закономерное следствие того, что парламенту отказано в полномочии принимать постановления касательно ответственности министров. Но парламент может ставить перед министрами вопросы и требовать от них открытых ответов перед общественностью и может также обращаться к монарху, высказывая

³ Статья 10 гласит: «Император определяет организацию различных ветвей администрации и жалование всех гражданских и военнотружущих и назначает и увольняет их».

свое мнение. Более того, хотя император сохраняет за собой, по конституции, право назначения министров по своему усмотрению, при назначении следует также принимать во внимание и общественное мнение. Это можно рассматривать как косвенный метод контролирования ответственности министров... Министры напрямую ответственны перед императором и косвенно перед народом».

Таким образом, для того чтобы контролировать государственных министров, парламент мог прибегнуть лишь к косвенным мерам, таким, как парламентские запросы, проведение резолюций, петиции к трону и протесты правительству. Фактически даже это косвенное влияние сводилось на нет благодаря тому, что кабинет министров был лишь одним из императорских совещательных органов, тогда как другие совещательные органы находились вообще за пределами сферы влияния парламента. Таким образом, по конституции парламенту была дана весьма небольшая власть над государственными министрами.

В конечном счете влияние парламента на государственных министров, а следовательно, и на формирование внешней политики Японии зависело от сравнительного политического веса парламента по отношению к другим органам государства. Мы вернемся к основной проблеме парламента военного времени и политических партий позже в этой главе. Теперь рассмотрим состав и особенности первого кабинета Кацуры.

ПЕРВЫЙ КАБИНЕТ КАЦУРЫ

2 мая 1901 года премьер-министр Ито Хиробуми, которому не удалось сохранить среди членов своего кабинета единство по вопросу о бюджетной политике, подал императору прошение об отставке. Чтобы найти ему преемника, гэнро пришлось провести более десяти совещаний, прежде чем 2 июня, ровно месяц спустя, был сформирован первый кабинет Кацуры. Роспуск четвертого кабинета Ито и нежелание и неспособность советников удачно сформировать кабинет ясно показали, что стареющие гэнро не могли уже осуществлять сложное манипулирование политическими партиями, необходимое для решения все более усугубляющихся финансовых проблем государства.

В более широкой исторической перспективе это событие означало конец одной эпохи в японской политической истории и начало другой. То, что произошло за этот месяц, имело далеко идущие последствия для японской внутренней политики и, как мы увидим в главе 3, значительно повлияло на внешнюю политику Японии в последующие беспокойные годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.